

MOTIVATION SENTENCES WITH THE USE OF SPECIAL ORDERS OF THE TRIAL

Abstract

The article discusses the special orders of the court proceedings as provided for in chapters 40 and 40.1 of the code, which is a compromise forms of justice and providing judges with sufficient scope for discretion. The author substantiates the necessity and importance of mandatory motivations of the judgments in the application of these orders that would prevent the escalation of discretion in an arbitrary, and should promote fair justice.

Keywords: motivation, judgment, special orders of the trial, discretion, justice.

References

1. Vorozhtsov S.A. Prigovor v ugolovnom processe. M. Yurait. 2003.
2. Voskobitova L.A. Celi i zadachi sudebnoy vlasti / Proizvodstvo po ugolovnym delam, podsudnym mirovym sudam. Rostov-na-Donu. «Kniga». 2011.
3. Zagorskiy G. I. Postanovlenie prigovora. Problemy teorii i praktiki. Uchebno-prakticheskoe posobie. M. «Prospekt». 2010.
4. Lupinskaya P.A. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve, ih vidy sodержanie i formy. M. Yuridicheskaya literatura. 1976.
5. Lyahov Yu.A. Novaya ugolovno-processual'naya politika. Rostov-na-Donu. Izd-vo Rostovskogo universiteta. 1992.
6. Motovilovker Ya.O. Nekotorye voprosy teorii sovetskogo ugolovnogo processa v svete novogo ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva. Kemerovo. Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1962.
7. Sluchevskiy V.K. Uchebnik russkogo ugolovnogo processa. Chast' 2. Sudoproizvodstvo. M. Garant. 2008.
8. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa. M. Izdatel'stvo akademii nauk SSSR. 1958.

УДК 340.141

КРОВНАЯ МЕСТЬ В АБХАЗИИ В XIX ВЕКЕ

*Дгебия
Рада Зурикавна*

преподаватель кафедры уголовного права
и процесса, Абхазский государственный
университет,
(Республика Абхазия, г. Сухум,
ул. Университетская, 1)
E-mail: rdgebiya@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется значение кровной мести в правосознании на-рода Абхазии, а также процедура ее исполнения. Кровная месть, рас-сматривалась как «возмездие», однако уже к середине XIX века все чаще стала заменяться выкупом за кровь.

Ключевые слова: кровная месть, обычай, «цена крови» (ашьапса), абрек, род, возмездие, кровник.

Важное место среди обычно-правовых норм абхазов занимает «кровная месть», которая в далеком прошлом, как и у других древних народов, носила безграничный характер и могла возникнуть по любому поводу. Кровная месть переходила из поколения в поколение и являлась поводом для кровавых столкновений между родами и обществами [1]. Кровная месть, являясь своего рода системой наказания, могла стать в некотором роде поводом для развязывания небольшой, иногда длительной войны между двумя родами [2, с. 12].

Кровная месть в прежнее время считалась обязательной не только для близких родственников убитого – сыновей, братьев, но и самых отдаленных. Подобный порядок застал еще Торнау. «Канла» (кровная месть) переходит по наследству от отца к сыну и распространяется на всю родню убийцы и убитого. Обязанность кровной мести в первую очередь лежала на сыновьях убитого. Если после убитого оставалась беременная жена и не было других наследников – кровомстителей, мать внушала ребенку лежащий на нем долг кровной мести, и

сын, придя в возраст, убивал убийцу своего отца. Если не удавалось отомстить сыну, обязанность мести переходила к внуку. Пока человек не выполнит лежащего на нем долга кровной мести, он не может успокоиться, он печален, подавлен своей заботой. Кровомститель не только не скрывал своих намерений, но сам предупреждал врага: «Будь готов, я тебя преследую!» Встретив своего кровника, кровомститель объявлял ему, что он исполняет свой долг. Исполнив священный долг мести, кровомстители шли к могиле тех, за кого мстили, и вслух объявляли о совершившемся отмщении [3, с. 12].

Обычно «враждебные отношения возникали на почве присвоения чужой собственности, разбоев, поджогов, скотокрадства, рукоприкладства, изнасилования или соблазнения сестры или дочери, оскорбления родителей, особенно матери, отказ от данного слова при заключении брака, похищения невесты, самовольного развода, оставления жены или мужа, убийства и других причин» [4]. В Абхазии были такие виды преступления, которые требовали крови преступника и оскорбление смывалось только кровью оскорбленного родственника или равносильным оскорблением» [1].

Но в Абхазии обычай кровной мести имел «свои оттенки» и не имел «таких пагубных последствий, как между другими горскими племенами» [5]. В таком милитаризованном обществе, как абхазское, когда каждый свободный житель был вооружен, в силу различных причин, преступления были незначительными, и вообще, по словам исследователя С. Ашхацава, «абхаз по своей природе менее склонен к преступлениям».

Но, вступив на тропу войны, абхазы, как обидчик, так и пострадавший, согласно традиционной культуре обязаны были придерживаться определенных норм поведения. При этом вражда не должна была затмить достоинства враждующих и превратить месть в слепое, яростное выполнение долга. Немаловажное значение имел тот факт, что обычай кровной мести служил как сдерживающий и в какой-то мере как стабилизирующий фактор. Согласно традиционной культуре абхазов кровная месть выступала уже как одна из форм наказания преступника и «регулятором общественной жизни в условиях отсутствия других государственных институтов наказания» [6, с. 65]. Самым идеальным сроком для отмщения, по понятиям абхазов, считалась быстрая мгновенная месть, пока покойника не предали земле.

Вступивший на путь мести кровник ни при каких обстоятельствах не позволял себе добиться желаемого успеха любым путем. Враждующие согласно нормативным правилам абхазов должны были придерживаться определенных норм поведения, которые соответствовали данной ситуации, так как обычай кровной мести имел свои законы и отступивший от них мог опозорить себя всенародно [7, с. 213].

В традиционной культуре абхазов считалось недостойным мстить врагу, в так называемые «неудачные моменты», т. е. моменты, когда соперник не готов или же не в состоянии активно зачищаться, так как такая месть приравнивалась к проявлению трусости.

К таким «неудачным моментам» по воззрениям абхазов относятся:

- 1) месть во время сна или отдыха,
- 2) месть во время еды,
- 3) месть во время опавления естественных надобностей,
- 4) месть во время купания,
- 5) месть, когда волею случая враг становится гостем,
- 6) вообще, моменты, когда враг обезоружен или же не в состоянии достойно противостоять [8].

Уход преследователя в абреки – это уже было предупреждением для врага. Но, встретившись с ним в этот период в лесу или в другом месте, мститель своим возгласом обязан был окликнуть своего врага. В случае, когда встреча происходила в ночное время или же в лесу, т. е. когда из-за обстоятельств трудно было определить, кто находился перед ним, они в первую очередь определяли, кто есть кто возгласом: «кто передо мной». И только определив, что противостоят кровные враги, в ход пускали оружие. Но, где бы и когда бы ни произошла эта встреча, право первого выстрела, принадлежало мстителю. Он, как пострадавший, имел право на первый выстрел. Это право давал ему закон кровной мести. И только после неудачного выстрела противник мог дать ответный выстрел. В перестрелке в случае гибели обиженного абхазы говорят «на старую кровь наложили новую».

Абхазская нормативная культура требует, чтобы виновный относился к пострадавшей стороне по достоинству. Чтобы лишней раз не появлялся в обществе, т. е. «не колот глаза» [7, с. 217].

В связи с этим заслуживают интерес события, произошедшие в Гудаутском районе. «Житель одного из сел Гудаутского района Тарба Дата скрывался

от преследователей из рода Агрба за убийство. Агрбовцы искали убийцу долгое время, но все попытки были напрасными. Тарба скрывался более 25 лет. И за это время он никому на глаза, как врагам, так и односельчанам, не попался. За такое поведение он заслужил уважение в народе. О нем стали говорить, что «нет такого абрека в Бзыбской Абхазии, как Тарба, который достойно отнесся к своим врагам» [7, с. 217].

«Человек, уже родившись, – пишет Гожба Руслан, – и до последней минуты своей жизни четко следовал этим (Апсуара) этическим нормам и благородным «адагам» [9, с. 78]. Так, совершив убийство, преступник не бросал труп на произвол судьбы. Приведя в порядок труп и накрыв буркой, сам или через кого-либо другого отвозил покойника родным. Если это сделать было чрезвычайно опасно, то он находил возможность сообщить близким убитого о случившемся. В любом случае, обычай не позволял бросать труп без присмотра. Это расценивалось как двойное преступление и надругательство над трупом. Если преступник, убив человека, надругается над трупом, родственники убитого могли отомстить врагу двойной мстью [7, с. 218].

Кровная месть – это причина многих передвижений на Кавказе, как единичных, так и массовых. Оставаться после совершения убийства или другого преступления, которое требует крови, было крайне небезопасно, и, чтобы лишний раз не испытывать судьбу, убийца вместе с семьей покидал свои родные края. Так, в 19 веке после убийства Самурзаканского князя Манучара Шервашидзе крестьянином Кварацхелия, хотя последний был оправдан народным собранием, счел безопасным для себя и его семьи переехать в Бзыбскую Абхазию [10, с. 435]. Покинувшего свой дом семья преступника больше не преследовалась, и вражда прекращалась, поскольку вынужденное переселение считалось одной из форм наказания.

Среди абхазских обществ, как и у других народов, установился ряд правил, направленных на ограничение кровной мести как «возмездия», основными требованиями которого являлся принцип равной мести (равного возмездия) за нанесенный вред, возможность замены мести выкупом за кровь – ашьапса («цена крови») [2, с. 33].

«Безграничное истребление друг друга родовыми группами при осуществлении ими кровной мести, – писал А. С. Шляпочников, – становится тормозом для дальнейшего хозяйственного развития. В связи с этим мы встречаем попытки огра-

ничить применение кровной мести, ограничение кровной мести находит свое выражение в нанесении роду обидчика уже не безграничного ущерба, а точного, равного соразмерного нанесенному обидчиком и его родом вреду: так, если совершено убийство одного из членов рода, то убивают любого члена рода обидчика, если убито двое, кровная месть падает на двоих, происходит своеобразный зачет потерь, после чего наступает примирение» [11, с. 35].

Появление обычая уплаты и принятия выкупа за кровь (материальное возмещение нанесенного ущерба) связано с дальнейшим развитием производственных отношений и института частной собственности, стремлением общества ограничить кровную месть и предотвратить бессмысленное кровопролитие. В этих же целях, отмечает М. Ковалевский, обычай остановился на той цифре, которая в его глазах представляла собой максимальный размер имущественных средств [12, с. 214].

Материальное возмещение за кровь освобождало виновника от наказания по принципу равного возмездия и приводило к примирению сторон. Таким образом, выкуп за кровь становится своеобразной формой уголовного наказания. Эту форму наказания, направленную на имущество виновного, пишет М. Ковалевский, можно обнаружить почти во всех памятниках древнего писаного права. В Абхазии кровная месть, «возмездие», уплата и принятие «ашьапса» («цена крови») приобретали характер уголовного наказания за совершение определенного рода преступлений.

Для замещения кровной мести композиционными выплатами требовалось обязательное согласие всех родственников – мужчин и матери убитого. На отказ от «цены крови» умершего влияло то обстоятельство, что по мнению горцев, это являлось единственным средством, чтобы успокоить душу покойного [13, с. 192], а на человека, отступившего от обычая кровной мести в некоторых случаях смотрели с презрением, часто вообще изгоняя его из общины.

Кровная месть должна была, по народным представлениям, восстановить поправленную честь и доброе имя того, кто обязан был мстить. На время, пока не восторгается справедливость (до отмщения), мститель, а также виновник могли уйти из общества, например, пока мститель не восстановит своего достоинства и чести, которое было возможно только после выполнения своего долга (и перед убитым и всеми сородичами, которые были

заинтересованы в этом), он становился абреком, что буквально означает «уход в лес» – то есть это был уход из социума, из культурного, освоенного мира. Он оставлял свое хозяйство, отныне у него не было никакой личной и общественной жизни (его и не допускали к общественной жизни). Появлялись и внешние атрибуты, подчеркивавшие состояние человека: переставал бриться, стричься до отщипания. Человек, вступивший на путь мести, на время оказывался как бы «вне закона» и мог нарушить многие нормы [2, с. 33 – 34].

В случае, когда один из родичей убивал другого, виновного по решению старейшин этого рода изгоняли из общины. Сила рода, фамилии обеспечивалась ее количеством, высокой солидарностью. Ф.Ф. Торнау подчеркивал, что у абхазов «сила и значение какого-нибудь рода зависят от числа кровомстителей, которых он может выставить» [14]. Но солидарность не могла быть без внутреннего мира, поэтому старались избегать конфликтов в своей среде, ссоры тут же улаживались увещаниями старших и просто шутками [15].

Обычай «ашьяпса» – уплата цены крови, в известной степени ограничил кровную месть и «возмездие», но не заменял их окончательно. Этот обычай, так же как и другие, подвергался изменениям. Первоначально, очевидно, «ашьяпса» платила вся семья или род виновника преступления, а получала его вся семья или род потерпевшего. Однако обычное право абхазов постепенно ограничило круг лиц как получающих, так и уплачивающих «ашьяпса». К середине 19 века ашьяпса платил, как правило, непосредственный виновник убийства или телесных повреждений, а получал его за кровь убитого ближайший родственник убитого [2, с. 31].

Исходя из вышеизложенного видно, что кровная месть в рассматриваемую эпоху была самым суровым видом физического наказания преступника. При этом существовала определенная нормативная процедура исполнения данного вида наказания. Уже к середине 19 века кровная месть все чаще стала заменяться платой за кровь – «ашьяпса». В то же время кровная месть служила сдерживающим фактором, так как заставлял всех членов общества

задумываться – совершать то или иное деяние, или не совершать.

В случае совершения преступления ответственность несли все члены рода, а не только индивид (виновный), чем подвергал своих сородичей опасности. Можно сделать вывод о том, что целью данного наказания было – возмездие и устрашение. В Абхазии для мирного урегулирования кровной вражды создавались специальные примирительные комиссии, которые с помощью традиционных способов примиряли кровников, после акта примирения никто не имел права продолжать кровную месть.

Литература

1. *Завадский Ф.Ф.* Абхазия и Цебельда // Кавказ. Тифлис. 1867. № 60.
2. *Барциц М.* Выход из конфликта в традиционном правосознании абхазов. «Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе». Материалы научной конференции. Сочи. 1999, март.
3. *Чурсин Г.Ф.* Материалы по этнографии Абхазии. Сухум. 1957.
4. *Краевич П.Д.* Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству в Абхазии // Кавказ. Тифлис. 1877.
5. *Аишацава С. М.* Внутреннее управление древней Абхазией // Сухумский листок. Сухум, 1912 г.
6. *Куправа А.Э.* Из истории абхазской традиционной культуры. М., 1998.
7. *Авидзба В.В.* Некоторые аспекты поведения враждующих сторон в период кровной мести. Сухум, 2003.
8. *Лакрба М.* Тот, кто убил лань. Сухум, 1982.
9. *Гожба Р.* Обычное право абхазов как возможный источник методов народной дипломатии. Роль неофициальной дипломатии. (Март 1999 г. г. Сочи). Ирвайн, 1999.
10. *Инал – ипа Ш.Д.* Абхазы. Сухум. 1965.
11. *Шляпочников А.С.* Обычное право и адаты киргизов // Советская этнография. 1964. № 2.
12. *Ковалевский М.* Современный обычай и древний закон. М., 1995.
13. *Бларамберг И.* Кавказская рукопись. Ставрополь. 1992.
14. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. Нальчик, 1994.
15. *Чернышев К.* Еще об Абхазии (отрывок из письма А.П. Берже) // Кавказ. Тифлис. 1854.

Dgebiya Rada Zyrikavna, Lecturer in Criminal law and process, the Abkhazian State University, the applicant of a scientific degree of candidate of legal Sciences Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation (1, ул. Университетская, г. Сухум, Республика Абхазия) E-mail: rdgebiya@mail.ru

VENDETTA IN ABKHAZIA IN THE 19TH CENTURY

Abstract

The paper investigates the importance of vendetta in the sense of justice of the people of Abkhazia, as well as the procedure for its execution. Vendetta, was seen as "retribution", but by the middle of the 19th century has become increasingly replaced with blood money.

Keywords: *blood revenge, custom, the price of blood, abrek, gender, retaliation, sworn enemy.*

References

1. *Zavadskiy F.F.* Abhaziya i Cebel'da // Kavkaz. Tiflis. 1867. № 60.
2. *Barcits M.* Vyhod iz konflikta v tradicionnom pravosoznanii abhazov. «Rol' neoficial'noy diplomatii v mirotvorcheskom processe». Materialy nauchnoy konferencii. Sochi. 1999, mart.
3. *Chursin G.F.* Materialy po etnografii Abhazii. Suhum. 1957.
4. *Kraevich P.D.* Neskol'ko slov o primenenii narodnyh obychaev k sudoproizvodstvu v Abhazii // Kavkaz. Tiflis. 1877.
5. *Ashkhatsava S. M.* Vnutrennee upravlenie drevney Abhaziey // Suhumskiy listok. Suhum, 1912 g.
6. *Kuprava A.E.* Iz istorii abhazskoy tradicionnoy kul'tury. M., 1998.
7. *Avidzba V.V.* Nekotorye aspekty povedeniya vrazhduyuschih storon v period krovnoy mesti. Suhum, 2003.
8. *Lakrba M.* Tot, kto ubil lan'. Suhum, 1982.
9. *Gozhba R.* Obychnoe pravo abhazov kak vozmozhnyy istochnik metodov narodnoy diplomatii. Rol' neoficial'noy diplomatii. (Mart 1999 g. g. Sochi). Irvain, 1999.
10. *Inal – ipa Sh.D.* Abhazy. Suhum. 1965.
11. *Shlyapochnikov A.S.* Obychnoe pravo i adaty kirgizov // Sovetskaya etnografiya. 1964. № 2.
12. *Kovalevskiy M.* Sovremenniy obychay i drevniy zakon. M., 1995.
13. *Blaramberg I.* Kavkazskaya rukopis'. Stavropol'. 1992.
14. *Tornau F.F.* Vospominaniya kavkazskogo oficera. Nal'chik, 1994.
15. *Chernyshev K.* Esche ob Abhazii (otryvok iz pis'ma A.P. Berzhe) // Kavkaz. Tiflis. 1854.